

«В Греции все есть!»

Образ Греции в русском языковом сознании

© О. И. СЕВЕРСКАЯ,

кандидат филологических наук

В статье рассматриваются особенности употребления и значения фразеологизма «в Греции все есть» в русской литературе и публицистике. Корпусный анализ позволяет определить шкалу оценки изобилия, образ которого стоит за стереотипным представлением о Греции как символе благополучия. Выявляются сущности, которые сравниваются с греческим изобилием: Россия и другие страны, столицы, города, села, люди и их качества, материальные ценности, торговые площади и товары. Показывается, что в прозе и публицистике речевой стереотип сохраняется, а в поэзии он радикально меняется в исторической перспективе.

Ключевые слова: образ Греции, языковое сознание, речевые стереотипы, идиоматика, корпусный анализ.

Вне зависимости от перипетий своего исторического, политического и экономического развития, Греция в русском языковом сознании в подавляющем большинстве случаев предстает как символ благоденствия. Национальный корпус русского языка (НКРЯ – www.ruscorpora.ru) дает немало примеров того, что Греция испокон веков характеризуется как *счастливая, блаженная, благословенная, роскошная, изобильная страна*, предмет вождения и образец для подражания. Еще со времен А.П. Сумарокова звучит призыв: «Наполяйтесь, россияне, Теми сладкими струями, Кои Греция пила...». А квинтэссенцией представлений о греческой изобильности становится ставшая крылатой фраза грека Дымбы из водевиля «Свадьба» А.П. Чехова: «Это в России нищего нету, а в Греции все есть».

Эта цитата вошла в «Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой со следующим толкованием: «1. Употр. в знач. “у нас имеется все” (особенно в тех случаях, когда появляется особая необходимость в чем-л., что есть у говорящего). 2. О человеке, хвастливо претендующем на то, что у него есть все» [1. С. 66]. Безусловно, вторым значением выражение обязано «первосказателю» – хвастуну Дымбе: по его словам, *в Греции есть и тигры*,

и *львы*, и *кашалоты*, и *омары*, даже *рыжики* и *грузди* есть... Однако задолго до чеховского героя, как показывает НКРЯ, грекам было свойственно бахвальство: «Пред светом хвалится и Греция и Рим» (С.А. Ширинский-Шихматов. Приглашение друзей на вечернюю беседу), – считали еще в начале XIX века.

В большинстве случаев связь со «Свадьбой» А.П. Чехова осознается теми, кто использует сегодня превратившееся в речевой стереотип обозначение греческого изобилия: «Чехова все читали: “В Греции все есть”» (В. Быков, О. Деркач. Книга века); «Всем известна “летучая” фраза “В Греции все есть” из чеховской “Свадьбы”» (Комс. правда. 2005.26 сент.). Встречаются и ссылки на киноверсию водевиля, как в следующем пассаже, где не только упоминается первоисточник, но и присваивается имя чеховского героя одному из говорящих и имитируется структура прецедентного диалога: «Интонация (...) ответа про родники живо напомнила мне бессмертную для любого советского человека сцену из старой кинокартины “Свадьба” по Чехову под “кодовым” названием “В Греции все есть”». Итак: “Харлампий Спиридонович, а есть ли в Англии родники?” – “В Англии есть родники. В Англии все есть”» (А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой).

Аллюзия к А.П. Чехову «прочитывается» даже тогда, когда ни он сам, ни его бессмертное произведение прямо не упоминаются, но аллюзия мотивируется речевой ситуацией: «Да-да, фимиан... У нас пчелы собирать мед с этих цветочков, и который мед – с фимиана – Кипр экспортирует, потому что нигде такой мед больше нет, нигде. Только у нас! – В Греции все есть, – по-русски сказала Регина» (Д. Рубина. Окна). В целом же выражение *в Греции все есть* осознается как стереотипное: «Согласно расхожей истине в Греции есть все» (Сов. спорт. 2005. 29 сент.) и характеризуется как «ставшее почти крылатым» (Республика Саха. 1996. 5 сент.).

Подобно другим фразеологизированным выражениям (вслед за Н.А. Шанским [3. С. 78] назовем так обороты, которые хоть и состоят из слов, семантически не связанных, но воспроизводятся как единицы с постоянным значением и составом), крылатая чеховская фраза, употребляясь в двух, отличающихся лишь порядком слов вариантах (*в Греции не только все есть, но и есть все*), может входить в состав тропов, в частности, в сравнительные обороты: «Здесь, как в Греции, – все есть, были бы желание и деньги» (Комс. правда. 2003.4 июня), а также использоваться в языковой игре, например, в каламбурах: «В Греции все есть... можно без риска отравиться. (...) Оказывается, что в Греции нет ничего. Ничего такого, что бы нельзя было купить» (Н. Богословский. Заметки на полях шляпы).

Нужно сказать, что в отдельных случаях стереотипные представления, стоящие за рассматриваемым речевым оборотом, подвергаются

сомнению: «Кто сказал, что в Греции есть все?» (Труд-7. 2007. 7 июня); «Вот говорят, в Греции все есть. Был там и не уверен, что это правда» (Сов. спорт. 2010. 8 июня). Есть и примеры того, что говорящий отмечает несоответствие стереотипа реальности, но при этом оговариваясь в меньшинстве в обществе, верном устоявшимся представлениям. Такая ситуация, в частности, отражена в следующем контексте: «Сначала я всегда пою смелую песню... Ну... хотя бы вспомни мою “Песнь о недостатке цитрусовых в Греции”. Я пою ее и, допустим, вижу, как... на челе иных появляется легкая задумчивость. И тогда тотчас, без передышки, я начинаю петь вторую песню о том, что “в Греции все есть”. Я пою ее обычно в два раза дольше. Так что о первой забывают» (Э. Радзинский. Обольститель Колобашкин). Интересно, что и поэтический подкорпус НКРЯ содержит свидетельства того, что тезис о том, что «Греции все же чего-то не хватает», не раз становился актуальным; при этом и сама Греция виделась поэтам искательницей чего-то недостающего ей для «полноты счастья»: «Ищет Греция Елены» (А.П. Сумароков. Ода {...} в 25 день ноября 1743), но чаще все же те, кто видел ее, не могли похвастаться полнотой обладания греческими сокровищами: «Я в Греции был. Я не видел Трои» (И.В. Чиннов. Памяти Ю. Терапиано).

Но в большинстве случаев речевой стереотип все же сохраняется: «В Греции все есть – или, по крайней мере, было» (Спецназ России. 2003. 15 июня); при этом стране может приписываться даже то, чего в ее истории не случилось, как в примере, где аргументом в пользу «восполнения пробела» доказательством выступает именно чеховское «в Греции все есть»: «Потом решат сделать эти соревнования традиционными, проводить раз в четыре года и называть Зимними Олимпийскими играми. Кое-кто станет возражать, мол, у древних греков таких не было, но ретроградов живо переубедят. Нам теперь их возражения просто смешны. Ведь Чехова все читали...» (В. Быков, О. Деркач. Книга века). И, как правило, именно «былые заслуги» оправдывают «великогреческий шовинизм», например, в истории ресторатора Гаса, «сделавшего состояние в Америке, но живущего по принципу “в Греции все есть”»: «Одному американцу он заявляет: “У нас уже были гениальные философы, когда твои предки еще болтались на хвостах на деревьях”. “Шовинизм” его беззлобен, чаще всего смешон, но искренен. Он даже свой дом рядом с обычными коттеджами выстроил в виде маленького Парфенона» (Труд-7. 2002. 14 нояб.).

Интересны и примеры наложения стереотипов в определенных контекстах, где метонимический образ преобразуется в гиперболу: «В Грецию едут не только за шубами. В Греции все есть... {...} В Греции мы нашли больше того, чего ожидали» (Республика Саха. 1996. 5 сент.).

Встречаются и контексты, в которых обыгрывается представление о том, что если в Греции и так «все есть», то ей больше ничего и не надо,

как, скажем, в этом рассуждении о турнирных перспективах российского и греческого футбола: «В последнем туре мы расколем грецкий орешек – гордые сыны Эллады к тому времени уже сольют два матча, ну а где два поражения, там и три. В конце концов, в Греции все есть – и зачем им, спрашивается, лишних три очка?» (Комс. правда. 2003. 1 дек.).

Таким образом, стереотип не всегда отражает реальность, и пресловутое «все есть» оценивается в его рамках по шкале «не вполне достаточно» – «вполне достаточно» – «более чем достаточно». Реальность, соответственно, либо не отвечает обусловленным стереотипом ожиданиям, «не дотягивает» до них, либо их в определенной степени превосходит.

Заложенное еще чеховским греком Дымбой противопоставление в языковом сознании россиян Греции как страны всеобщего и частного благоденствия и абсолютно нищей России (Дымба: «Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут нищего нету». А.П. Чехов. Свадьба) в современной литературе и публицистике превращается в уравнение, представляющее Грецию в образе места, где «все, как у нас». Например, не только у нас активные «новые русские» оттеснили на обочину истории пассивных интеллектуалов: «В Греции все есть. И новые греки тоже. С незыблемой верой во всемогущество денег и красивыми любвеобильными женами. И чудаковатые интеллигенты, предпочитающие мирно коротать свой век в тихом местечке и в теплой компании любимых книг» (Столица. 1997. 1 апр.). И не только наши города задыхаются в автомобильных пробках, это подтверждает повествование о пути футболистов петербургского «Зенита» в греческий отель: «По расстоянию – чуть больше 40 километров. По времени – больше часа, поскольку ⟨...⟩ в Греции есть все, включая немислимые пробки. Питерские по сравнению с ними – почти ничто. Хотя население обоих городов почти одинаковое, около 5 млн. жителей» (Сов. спорт. 2005. 29 сент.). С другой стороны, и у нас может быть «как у них»: «Автомобили у нас любят. ⟨...⟩ Так что с автомобилями у нас теперь как в Греции – все есть» (Домовой. 2002. 4 окт.); «Почему за машинами едут в Москву? Да потому, что в ней, как в Греции, есть все! Так было и 20 лет назад, когда сюда ехали за продуктами, так осталось и сейчас, когда в столицу потянулись за хорошими товарами, к которым относятся, конечно же, и автомобили» (Комс. правда. 2001. 16 окт.). Хотя сравнение проводится только по одному параметру (широкий ассортимент) и в какой-то одной области (авторынок, рынок качественных товаров), выводы делаются глобальные.

Если Москва и северная столица и в советской истории по отношению к провинции выглядели «полной чашей», то сегодня с избыточной Грецией сравниваются и села, деревни, даже отдельные некогда отстающие хозяйства российской глубинки. При этом за утверждением, например: «В “Маслово”, как и в Греции, все есть» (Труд-7. 2000. 25 июля), может стоять представление чисто внешнее – о европейском благообразии и

«полном комплекте» того, что в отдаленных уголках России обычно не встречается: *чистенькие коровы и трезвые механизаторы, цветы на ферме, отремонтированная дорога, вертолетная площадка* – все же не типично русские образы.

Но избыточность той или иной российской территории, сравнимая с греческой, не всегда ассоциируется с материальными ценностями. Представление о Греции как стране искусств лежит в основе ассоциации образа полноты возможностей с талантами: «В Оськине, как в Греции, все есть: и танцевальный ансамбль из красивых девчат и статных парней, и свой одаренный бард, он же агроном Василий Князев, и местного колорита сатирик, она же зоотехник Валентина Черных, и... Перечислять можно и дальше» (Труд-7. 2003. 18 фев.); ср. также: «Возможно, чего-то, конечно, нет в Азербайджане. Это в Греции есть все. Но Азербайджан никогда не был обделен талантами мирового уровня» (Известия. 2002. 14 авг.).

Что касается областей, для которых сравнение оказывается релевантным, то это, в первую очередь, области распространения материальных благ. Чаще всего речь идет об избытии товаров и, соответственно, о торговых площадях и пространствах: «В торговых центрах, как в Греции, есть все» (Комс. правда. 2005. 18 окт.); «Район у нас престижный, сам знаешь. Люди состоятельные, и мы должны соответствовать. Чтобы пришла какая-нибудь там толстая сучка в бриллиантах, а у нас [в супермаркете. – О.С.], как в Греции, все есть» (А. Житков. Супермаркет); может упоминаться, например, интернет-магазин: «Этакий виртуальный гипермаркет, где, как в Греции, есть все – от метаксы до абсента и сакэ» (Комс. правда. 2007. 18 дек.). Вместе с тем, основными понятиями, конституирующими для образа греческого избытия, становятся «многое» и «разное»: «В Интернете, как в Греции, есть все» (Карьера. 2000. 1 фев.).

Интересно проанализировать, что же стоит за понятием «все». По словарному определению, *всё* – это и обобщающее слово при перечислении, и местоименное существительное со значением «то, что есть, целиком, в полном объеме, без исключения» [2]. В конкретных словоупотреблениях отражаются все смысловые компоненты значения этого слова.

Во-первых, это представление о полноте без исключений, о некоем идеальном «закрытом множестве», как в характеристике коллекции записей известного футбольного архивариуса: «Вот говорят, в Греции все есть... <...> А у Акселя Вартапяна действительно есть все. Если это касается футбольной статистики» (Сов. спорт. 2010. 8 июня).

Во-вторых, об исчерпывающем множестве альтернатив, обеспечивающих возможность адекватного выбора в определенных ситуациях, как в примере, где на вопрос о выборе новогодней елки отвечает хок-

кеист В. Старшинов: «У меня, как в Греции, – все есть. В квартире мы устанавливаем небольшую искусственную елочку, а вот на даче у нас растет живая. (...) Ее мы тоже наряжаем и именно рядом с ней встречаем Новый год» (Труд-7. 2006. 8 дек.).

В-третьих, представление о «роскоши», возделенной и позволенной даже в затрудненных обстоятельствах, уровне, не только достойном человека, но и позволяющем ему сохранить себя, что видно из следующего примера: «На войне как на войне! И все-таки, несмотря на страшные события в Белополье, Цветков не дал себе раскиснуть: по-прежнему ежедневно он брился ступившимся старым лезвием; по-прежнему пахло от него немецким, трофейным одеколоном; по-прежнему утверждал он, что “в Греции все есть”»; и по-прежнему требовал от “начхоза” отряда, смиреннейшего Павла Кондратьевича, чтобы бойцы пили не пустой кипяток, а непременно заваренный цикорием, чтобы варили не просто мясо без соли, а хотя бы с кислицей и какой-либо “химией” из Володиной аптеки».

В-четвертых, о «непозволенной роскоши», в некоторых обстоятельствах допустимой: «У тебя оружие имеется? – Да я же штатский, – краснея, сказал Устименко. – Я дам, у меня еще один такой “вальтер” в запасе. В Греции все есть. И Цветков совершенно мальчишеским жестом – хвастливым и широким – протянул Володе пистолет» (Оба примера: Ю. Герман. Дорогой мой человек).

Отметим, что за понятием «все» могут стоять не только предметы, окружающие человека и присваиваемые им по желанию и возможности, но и реалии его внутреннего мира. Так, с греческим «все есть» ассоциируются порой имманентно присущие человеку качества: «Это [чувство иконы, соборность. – О.С.] есть или этого нет. В Алексее Васильевиче есть. – Должно быть, – согласился лейтенант. – В Греции все есть» (В. Корнилов. Демобилизация).

В заключение подчеркнем, что в современной литературе и публицистике характерное для русского языкового сознания представление о Греции как символе изобилия сохраняется практически без отклонений от стереотипа, в то время как в поэзии (о чем свидетельствует поэтический подкорпус НКРЯ) образ *Греции (Эллады)* все же претерпевает исторические изменения.

В «дочеховскую» эпоху, начиная с XVIII века, *Греция* ассоциируется с *целым миром*: «Увидя Грецию, упавшую пред ним, Считает целый мир подножием своим» (М.М. Херасков. Чесменский бой); в русской поэзии этого времени также бытует представление о том, что «Кончав войны, Греция в забавах Упражняться начала и, счастьем обильным, Впадать в сластолюбие» (А.Д. Кантемир. Из Горация). В XIX веке Греция видится русским поэтам землей обетованной: «Открылись Греции долины, Уж море синее, блестя Под солнцем пламенным Востока, Как шум нагор-

ного потока, Обрадовало вдруг меня» (М.Ю. Лермонтов. Корсар); «Все, что меня с младенчества пленяло, (...) О Греция, все связано с тобой!» (Н.Ф. Щербина. Воспоминание); «Ты ищешь сладостных минут / Под небом Греции твоей» (Ю.В. Ждановская. Посвящение Н.Ф. Щербине) и т.д. А в XX веке уже преобладает взгляд на Грецию как на утратившую то «все», что отличало ее как символ полноты внешнего и наполненности внутреннего мира, полноты бытия, полноты жизненных ощущений: «Все, что ведала Эллада, – / Только память, только тень» (В.Я. Брюсов. Женщины лабиринта); «Продали прекрасную Элладу, / Мраморную предали страну» (А.П. Межиров. «Поздний Рим периода упадка...»); «И если видится мне облик грека, / То вспоминается не век Перикла, / Но Греция двенадцатого века, / Которая упала и поникла» (Л.Н. Мартынов. Перевод с греческого); «Давно окаменела Афродита, / До дырок износилась козья шкура, / Которой опоясывалась Греция» (Л.Н. Мартынов. Пан) и т.п. Хотя в некоторых случаях «все» трансформируется в «кое-что», в отдельные достоинства, составляющие греческое достояние и остающиеся неизменными: «Есть еще в Элладе Огонь, и меч, и песня, и любовь!» (В.А. Луговской. Как человек плыл с Одиссеем). Интересно и то, что Греция в русской поэзии XX в. перестает быть примером для России, страной, ее превосходящей: «Завалинка под зябким, хладным солнышком уже кажется шикарней Римов или Греции» (Б.А. Слуцкий. «Что нужно на дожитие тирану...»).

Таким образом, представление о том, что в Греции все есть, оказывается стереотипным только отчасти: поэзия, размышляя традиционно о «высоком» и духовных ценностях, отказывается от этого концептуального и языкового стереотипа и приходит к выводу, что у современных греков есть далеко не все, если не сказать, что почти ничего не осталось; проза и публицистика же остаются верны шаблону изображения Греции мерилем богатства – не только духовного, но и (все чаще) сугубо материального, хотя и ставит временами его под сомнение и подвергает незначительным трансформациям.

Литература

1. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. М., 2000.
2. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. / С.А. Кузнецов. СПб.-М., 2008. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
3. *Шанский Н.М.* Фразеология русского языка. М., 1985.

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*